

НИКОЛАЙ ФОТЬЕВ

Горная малина

РАССКАЗ

На войну с таежной приисковой заимки уходило шестнадцать мужиков, еще молодых и здоровых, а вернулось только пятеро, и трое из них на прииске были уже не работники. Парни, которые ушли в армию в конце войны, еще служили, а те, что остались подрастать, были слишком малы, чтобы числиться в мужском полку.

И вдруг стал выделяться Венька — первый сын Соломеи Прохоровой, молодой еще солдатской вдовы. Год назад окончил он восемь классов, за одно лето обогнал своих сверстников, вытянулся, раздался в плечах, и его лицо обрело то бычковато-упрямое выражение, которое нередко венчает отрочество.

Собственно, Венька был красив. Лицо чистое, со свежим румянцем и треугольной ямкой на твердом подбородке, брови крылатые, темные, а глаза ястребиные, ясные. Он отменно играл на оставшейся от отца тальянке, которую сам же и отремонтировал, раздобыв где-то столярного клею и лаку. Эта тальянка, как все говорили, имела чистые серебряные голоса и полных четыре октавы.

И хоть ничем Венька не прославился, о нем как-то сама собой пошла молва: «Венька-то Прохоров! Вы посмотрите, какой стал Венька! Венька бравый парень... Венька гар-

монист... Венька сильно грамотный — всего Пушкина, говорят, прочитал и Лермонтова...» Сам же Венька относился ко всему этому внешне спокойно и даже хмурился, если хвалили в глаза.

Дальше учиться Венька не стал по той простой причине, что в девятый класс ехать надо было за пятьдесят километров, а в техникум — впятеро дальше, и дома без него никак бы не обошлись. Мать была хвора, на прииске работать не могла, а меньшие — Гришка и Манька — были еще мелкота. И решено было, что Венька пока поработает, а доучится, когда отслужит в армии, — жизнь тем временем лучше станет.

Первый год после школы Венька несколько месяцев работал в приисковой буровой разведке. Взяли его сначала подсобным рабочим, но он попросился на «бабу», и, хоть не легкая это работа — забивать тяжелой «бабой» железные трубы в земляную глубь, Венька дюжил наравне со взрослыми мужиками. Потом он ушел из разведки и определился вольным старателем. Тут он мог распоряжаться временем по своему усмотрению и в зависимости от разных хозяйственных нужд. Да и проще стало ходить по гулянкам: ведь кроме него на заимке теперь нет гармонистов, и Венька нарасхват. В гостях его потчевали брагой, кормили послаще и посытнее. Венька играл порой по двое суток без передыху и сам себе удивлялся, как это он выдюживает. Гуляли на заимке не часто, но если уж случалось, то по нескольку дней — сначала в одном доме, потом — в другом, в третьем, в четвертом... Соломея боялась, что споят, испортят парня до поры, но и понимала, что самое время теперь Веньке погулять. Потом уйдет в армию, потом женится — пойдут дети, заботы, неурядицы...

Словом, по всем статьям Венькина жизнь складывалась хорошо, и казалось, лучшего ничего нельзя было придумать в этой глуши. Но сам Венька нет-нет, да и тосковал, поглядывал на далекие синие горы, увенчанные слепящими шапками ледников. Там, за горами, казалось ему, лежал иной, более интересный мир. Где-то там шумели большие многолюдные города, полные интересных, умных людей, красивых девушек. Где-то там пожинали славу поэты, ученые, полководцы, народные герои. Где-то там он, Венька Прохоров, мог бы раскрыть всю свою душу, услышать самый нужный и мудрый совет. Где-то там...

Немногочисленные Венькины сверстники забросили шко-

лу еще в начале войны. Даже те, что шли когда-то на несколько классов вперед, казались ему теперь отсталыми. Многие обабались, и нет у них никаких интересов, кроме домашних. Веньке обидно было за них, он их винил за слабость и бескрылость. Но больше, конечно, ругал войну, — как всякий понимающий человек. Если бы не война, может, у всех, кого знал Венька, жизнь сложилась бы совсем по-другому. Скучно до безысходности становилось Веньке, когда, как ему казалось, не с кем было поделиться мыслями и чувствами.

А чувствовать и мыслить Веньку давно уже приучили те несколько десятков книг, которые он прочитал с настоящим пониманием.

Не мог не понимать Венька и того, что гулянки, в которые втягивали его радушные и хлебосольные заимские тетьки, не доведут, пожалуй, до добра. Но без гулянок было бы совсем скучно.

Люди, наверно, думали, что Веньке всегда легко и интересно, и потому несказанно удивились, когда он вдруг одинешенек подался в тайгу. Чего, дескать, не хватало человеку? Если уж решил охотничать, так и живя дома мог бы этим заниматься. Или, сказать, был бы старым человеком, опытным звероловом, а то ведь совсем еще зеленый по годам. Что-то тут, наверно, неспроста. Может Венька, когда еще в разведке работал, надыбал золотишко где-то? Но все эти пересуды ходили зря. Дело было совсем в другом.

Как и все свежие и юные души, Венька испытывал неясную жажду подвигов и бессмертных деяний. На заимке ему было скучно, требовались какие-то иные, сильные впечатления и — новизна. Дома уже все так знакомо, так однообразно.

А тут еще случай произошел.

Как-то опять гуляли на заимке. Как раз управились с огородами, да с пашнями, веснодельных дров заготовили, починили поскотину. С вербы был хороший взяток, и теперь, кто пчел держал, без медовухи редко за стол садился. Да и у старателей боны еще не вышли: по большой весенней воде самый заработок у них. А в магазине спирт стал появляться и продукты хорошие. Загуляли и позвали Веньку играть.

Почти во всех домах отыграл и отгулял Венька. А тетка Елена, что в Малиновом логу живет, заявила напоследок, что есть у нее такая особая бражка — малиновая, с секрет-

ным корешком. Конечно, и в Малиновом логу погудели. Венька да две снохи Булатовых — Танька и Таська — еще догудивать остались. Блажь какая-то нашла, дурачились, частушки всякие пели. Таська на все случаи жизни частушки знает. Да еще с намеками.

Дорогому Венечке
Упала на коленочки.
Упала, да опомнилась:
Зачем, дура, знакомилась?..
Веня мой, Веня мой,
Проводи меня домой,
Проводи меня домой,
Все равно ты будешь мой.

Ну и правда, так вышло в ту ночь, что Венька Таськиным оказался. Ушли за поскотину в черемушник..*

Назавтра не так голова болела с похмелья, как на душе было муторно. Тоска какая-то, чувство неясной еще утраты и такой же неясной вины. Вспомнился, конечно, и Панька — Таськин муж. Шесть лет уже тянул он солдатскую лямку — ушел еще в начале войны, Венька пацаном тогда был. Жив Панька, домой сулится...

И вот Венька заявил матери:

— В тайгу пойду. Сухарей надо засушить побольше.

Он и раньше поговаривал, что, вот, мол, податься надо в тайгу подальше, где мало хожено, да поохотиться как следует. Мать, конечно, отговаривала. И сейчас горевать взялась.

— Да как же ты один-то? Поди, там зверье шляется. Да неужто ближе мест не нашлось бы?

— Где оно — ближе-то? Все тут лазили, даже крота поймали. А там татарские путики травой зарастают.

Татарскими путиками Венька называл мало кому известные таежные промысловые тропы алтайцев. Это километрах в тридцати от заимки, на восток. Раньше там алтайцы промышляли и шорцы. Но с войны многие из них не вернулись, и путики теперь в самом деле зарастали травой да мелкоколесьем. По весне, как снег растаял, Венька ходил в те места с ночевой. Нашел лесину с пчелами, видел балаган, раздавленный снегом, и сгнившие уже кротовьи ловушки — кулемки. Заняли у соседей муки, сразу три квашни завели и в трех печах сухари сушили. Сутки ушли на это дело. Громадная торба провианту получилась, нелегкая ноша для Веньки. Но разве его отговоришь? Раз надумал, — значит,

пойдет. Может, и к лучшему, рассуждала Соломея, а то, как есть, испортят парня.

Со сборами управились к полудню во вторник, а вечером Венька и Левка Болотов — молодой инвалид войны, распили туесок медовухи. Договорились, что Левка будет навещать Прохоровых и, если какая срочная мужская работа потребуется, поможет, — Венька потом отработает. Покончив с медовухой, вышли на крыльцо, поделились махоркой и долго еще сидели на ступеньках за дружеским разговором.

— А теперь, Веня, поиграй что-нибудь, — попросил Левка. Гришка принес тальянку, Венька пристроил ее на коленях, накинул ремень на плечо и задумался.

Стоял теплый вечер, уютно шумел и булькал по камням ключ в Малиновом логу. В безветрии, в плотном воздухе, полном травяных и древесных запахов, звучали птичьи голоса — такие же чистые и неисчислимы, как звезды на небе. Вздохнула тальянка, рассыпала нежную серебряную трель и замолкла. И все вокруг будто притихло, прислушалось, наполнилось ожиданием. И вот неспеша заговорила гармонь, расплескала свои звуки вдаль и вширь по таежным логам. А Левка запел.

Он любил петь, хотя слуха у него почти не было. Голосище басовитый и громкий, а ладу мало. Этот грубый Левкин голос произошел после контузии. Около года он вообще не издавал звуков, лежа в госпитале. А когда радио сообщило, что настал час победы. Левка, не помня себя, побежал на двор, где гуляли его раненые товарищи, запнулся о высокий порог, упал, шибанулся грудью — и вдруг заорал во всю глотку. Домой он вернулся с неузнаваемым голосом, головными болями, которые всячески скрывал от людей, и навсегда, вроде бы, теперь приставшей к нему веселой и безобидной удалью неунывающего молодца-солдата.

Венька наигрался, Левка напелся, и пошли спать.

Утром Венька поднялся с рассветом, позавтракал и, не дожидаясь, пока сойдет роса, собрался в путь. Навьючился он крепко. На одном плече, как связка калачей, висело пар тридцать сухих осиновых кулемок, нанизанных на переметник, на другом — длинный и узкий мешок, схваченный ремнем за устье, и уголок — с луковицей. В мешке умещались необходимые для ловушек заготовки, тесло, лучковая пила в разобранном виде, одеяло, соль, ружейный припас и мешочек с махоркой. За спиной у Веньки горбилась широкая

торба на лямках — сухари и прочий провиант. Да еще на поясе висели снаряженный патронташ и нож в ножнах, а ближе к спине топориком наискось подоткнут был топор.

Мать благословила его по-старинному, широким крестом, Венька кликнул собак и пошел, не оглядываясь и стараясь думать лишь о предстоящем. Пока он обходил огород, перелезал через поскотину и поднимался чистым косогором, где косили сено, Соломея и Гришка с Манькой стояли у крыльца.

Он шел не спеша, размеренно: с большим грузом торопиться не стоило, тем более на подъем. Надо втянуться.

Тропа, зажатая с обеих сторон высокой молодой травой, уже расцвеченной пионами и другими цветами, начинала дымиться от солнечного тепла. По этой тропе заимские ходили на пашни, в лес за калбой и другими съедобными травами, на другие заимки, и оттого она была торной и гладкой. Однако при всяком новом отроге тропа давала боковые ветви и нездешнему человеку легко было заблудиться.

Впереди Веньки непрестанно челночили кусты и траву охотничьи собаки — белый Валет и дегтярно-черная Дамка. Была самая пора расти траве и молодому лесу, все было свежо и молодо, сверкало росой, слегка парило и изумрудно светилось. Собаки уже были мокры до волосинки, да и сам Венька вымок по пояс.

Поднявшись на гривку, по которой предстояло идти, он сел отдохнуть на толстой валежине.

В лесу давно уже куковали кукушки, перекликались дрозды и скворцы, струнно жужжали пчелы, цвиркали пролазыбурундуки, под валежником в старой листве и хвое шуршали мыши, а высоко над головой тихо и протяжно шумел лес. Венька курил, прислушивался к лесу и так же неспешно, как шумело вверху, обдумывал свои дела. Собаки сидели у ног хозяина и при всяком его движении помахивали хвостами. Веньке было отраднo, что вот он вышел один на один с тайгой, со всеми ее тайными богатствами и кознями. Да и что могло быть лучшим сопровождением человеческим раздумьям, как не это величавое молчание леса.

Венька отщепнул топором от колоды небольшую плашку. От нее шел живой запах кедра, похожий на запах свежего сливочного масла или молочной пенки, когда из печи вынут истомленное в глиняном горшке молоко. Не зря говорят: «Корову доить», когда имеют в виду приготовление кедрового молока. Для этого надо нащелкать ядрышек, растереть их и размешать в котелке или кружке с водой или чаем. Не-

плохо бы из такого вот дерева срубить в лесу избушку. Топор у Веньки острый и ловкий, брусочек имеется, есть и пила, и тесло. Вот только гвоздей путевых нет. Проволочные гвоздики, которые Венька несет с собою в коробочке из-под леденцов, — это для растяжки кротовьих шкур.

Да, славная получилась бы избушка. Венька не раз видел, как мужики распиливали и кололи кедровый валежник. Поделки из него получаются красивые и душистые, нежные и теплые на ощупь. У Прохоровых в избе весь опечек, лавка в кути и широкая полка под потолком тоже кедровые. Жаль, что почти весь кедрач в здешних местах погиб от пожара. Теперь лежит он на земле уже без сучьев и коры, и когда сойдет снег, там и тут по склонам виднеются толстые двадцатисаженные валежины. Летом идешь по траве — и вдруг натыкаешься на валежину, из-за которой, как из-за стены, ничего дальше не видно.

Славное дерево, славное.

Следующий привал был на Лысой горе. Она гигантским куполом поднималась выше всех окрестных возвышений, на вершине была плешивой, открытой всем ветрам, и с нее далеко было видно во все стороны. У подножия, как верховые корни фантастического дерева, во все стороны расходились хребты и гривки, плотно прикрытые то хвойными темными, то серебристо-зелеными лиственными лесами. И повсюду над бесконечным этим скопищем вершин и возвышений неподвижно висела прозрачная вблизи и почти непроницаемая вдали синевато-голубая роздымь, казавшаяся подножием неба.

По рассказам матери Венька знал, что именно в этих местах промышляли когда-то его дед Дрон и его отец Аверьян Дронович. Стан у них был где-то у стыка хребтов, на седловине. Венька как раз туда и идет. Наверно, отцу и дедушке было бы приятно, если бы они знали, что Венька ходит по этим местам.

И еще он подумал, что на седловине он свой стан, пожалуй, не разобьет — там, должно быть, главный водораздел и далеко от воды. Да и путиком тогда сначала надо будет идти как бы вниз по отрогам, потом где-то пересекать лога и гривки и по другому отрогу возвращаться на стан, все время поднимаясь в гору. Надо сделать так, чтобы на подъем идти со свежими силами, а к вечеру спускаться. Лучше пойти вон туда, где густо синее обширная котловина. Там вершина реки, там сходится несколько ключей и речушек. Гривки там

пологие и невысокие, земля мягкая и жирная — кротовья. А может, он еще дальше пойдет.

Отдохнув, Венька снова навьючился, свистнул собак и двинулся к седловине. Тропа здесь сохранилась еще хорошо, но уже много упало через нее всяких сухостоин, и Венька держал наготове топор, чтобы обрубать сучья на пути.

Километрах в десяти от Лысой горы, в большом понижении, где поверхность была ровная, как на лугу, Венька увидел остатки давнего охотничьего балагана — столбы с вилами наверху, такие же колья кругом и подгнившие, обломившиеся жерди. Берестяная крыша балагана лежала на земле, береста свернулась в трубку и побелела. В сторонке, где до сих пор почти не росла трава, виднелось широкое огнище — недогоревшие бревна и размытая зола, смешанная с глиной, кирпично красневшей в углублении.

Венька решил сделать тут полуденный привал и переждать жару. Он снял рубаху из выцветшего брезента и повесил ее на сук. Стало совсем легко и прохладно. Венька уселся на обгорелый конец бревна, отдохнул и покурил. Потом поел и решил оглядеться.

За огнищем рос густой пихтач, под которым не успела еще вырасти травка, и земля тут была бурая от хвойной осыпи. Потом этот пихтач расступился, и перед Венькой вдруг встала аспидно-черная скала. Стену эту словно из земли выдавило. Деревья на ней не росли, но вся она была покрыта коротким черным мхом, да еще кое-где зеленели какие-то стебли, похожие на молодой папоротник. Венька выдернул одну такую травинку и пожевал. Она была сладкая, как капли от коклюша, — похоже, зверобой. На самом верху скалы Венька увидел путаную бахромку какой-то ползучей веселой травки с голубыми звездами цветочков. Внизу густая тень, черная стена, сырая холодная земля, а вверху голубели звездочки и, освещая их наискосок, струились прямые золотистые лучи солнца...

Обойдя скалу, Венька увидел у ее подножия с солнцепечной стороны груды отбеленных камней. Из-под них пробивался ключ. Его берега и вся каменная осыпь солнечного склона заросли малинником, смородиной и хмелем.

Полюбовавшись ключом и напившись, Венька повесил ружье на плечо и полез по уступам на скалу. Везде, где можно только уцепиться, росла волоснистая шелково-мягкая травка-загад. На площадках и прилавках она лежала сплошным ковром. Здесь могли быть гадюки, поэтому Венька, пре-

жде чем наступить или схватиться рукой, похлестывал впереди себя палочкой.

Наконец он поднялся на самую вершину. Там была такая широкая и ровная площадка, что можно было бы поставить большой стол и усадить за него многолюдную компанию. Ветер сдул отсюда все лишнее, только поблескивал слюдинками серый песок да виднелись белые отметины птичьего помета.

Венька подошел к северному обрывистому краю скалы. Под ногами лежал темный провал, из которого торчали черные пики пихтовых вершин. Венька отошел от края к большому полукруглому камню. Теперь перед ним широко распахнулся горный край, и он опять почувствовал то, что испытывал, бывало, глядя на дальние синие горы, покрытые ледниками.

— Алтай подо мною. Один в вышине
Стою я у края стремнины...

Алтай... Громадный и богатый. Долины, реки, горы, степи, большие поселения и малые заимки. Открытые просторы и совершенно глухие места — нехоженые, дремные, хранящие великие тайны. Но люди уже давно живут на этой земле и многое сделали. Даже здесь, в глуши, наворочали по логам целые горы отвалов. И не просто наворочали, но и промыли каждый камушек — золотишко искали. Из конца в конец пролегли дороги, раскорчевана тайга, распаханы земли и построены города. Но это далеко отсюда, не видно. А здесь все еще первозданно и дико, все безмолвно, тихо и таинственно. Но, может, придет время — и именно он, Венька Прохоров, как великан, поднимется над этими горами и лесами и укажет людям, где лежат богатые руды и золотоносные пласты, где строить новые дороги, каналы, города и заводы. И к тому, что здесь уже сделано и открыто, прибавится его, Венькино.

Размечтался Венька. Даже в стихах захотелось сказать что-нибудь. «Алтай, Алтай, — земля родная!..» Но тут внизу собаки подняли суматошный лай и визг, слышалось оханье и уханье, будто согнали с теплого места большого ленивого борова.

— Взя-ять! Взять! — закричал Венька, вскакивая и срывая с себя ружье.

Собаки наддали, да и Венькин голос пугнул зверя, и, словно камень, пущенный с горы, треща кустами и валежником, тот ринулся наискось по косогору. Венька успел увидеть только его бурый взлохмаченный зад.

Сообразив, что это был медведь, он поспешно переломил ружье и заменил дробовой патрон пулевым. Вот дьявол! Хорошо, что так вышло, а то бы...

Венька даже засмеялся, что все обошлось. На всякий случай он отвалил камень и пустил его под гору. Вслед сорвалось еще несколько глыб. С пушечным громом и треском, сбивая пни и подминая мелкие деревья, камни укатились далеко под гору. Венька хотел еще в воздух пальнуть, да пожалел заряд — с припасом было туго. Но и так Михайло Иваныч, наверно, уже далеко умчался.

Спустившись со скалы и еще раз напившись из ключа, Венька вернулся к бывшему становью. Посидел немного, раздумывая, идти дальше или оставаться тут, и решил, что надо идти дальше, как наметил. Он надел рубаху и нагнулся к поклаже, чтобы опять снарядиться в путь. И тут вдруг увидел на земле металлическую гильзу, лопнувшую вдоль и позеленевшую. Он поднял ее, осмотрел и увидел на доньшке две зарубки, сделанные когда-то напильником. Такие зарубки делал Венькин отец, чтобы знать, какой патрон с каким зарядом.

Да, наверно, отец когда-то побывал здесь. Венька бережно положил гильзу в кисет и двинулся дальше. Тропа опять вывела его к черной стене, и он остановился. Черный камень... Черный камень... Конечно же, он слышал о нем, только вот сразу почему-то не догадался. «Здравствуй, черный камень! Вот и я пришел к тебе. Ты помнишь моих предков. Ты все помнишь».

Шум и треск заставили Веньку вздрогнуть и снова схватиться за ружье. Но это возвращались собаки.

— Ну как дела? — спросил он.

Собаки слабо повиляли хвостами и неторопко побежали впереди. У Валета было разорвано ухо, на белой шерсти — кровь. Однако он держался бодро, принюхивался, пофыркивал, рыскал по сторонам. Дамка слегка прихрамывала, но, видно, пострадала она не от медведя а сама ударилась обо что-то.

Только к вечеру спустился Венька в широкую котловину, в центре которой сходилась несколько отрогов, полого переходящих в многочисленные гривки и релки.

— Вот мы и пришли, — объявил Венька себе и собакам.

Он снял надоевшую ношу, посидел на валежине, покурил, осмотрелся. Тут была высокая и сухая стрелка, что образовалась при сливе речки и небольшого шумного ключа. Речка

текла с северо-востока, ключ бежал ей навстречу, а потом загибался, подчиняясь большему потоку. На таких местах всегда селились люди.

— Будем ночевать и обживаться, — опять вслух сказал Венька и поднялся. — Место, вроде, подходящее.

Место, и правда, было неплохое — сухое, высокое, солнечное. Рядом росли толстые гладкие березы, береста с которых годилась на любую крышу, а выше по речке виднелись дымчатые купола кедров. На противоположном берегу высилась тальниковая гряда, наполовину скрывая близкие лобовины невысоких гор. Лес на них когда-то выгорел, теперь они густо заросли высоким дудником и малиной.

Перво-наперво Венька вырубил, затесал и вбил в землю крепкую березовую вилагу, на которой тут же развесил все, что нес на себе. И от сырости подальше, от мышей, и от прочей твари. Бересту он драть пока не стал — было уж поздно, а для ночлега соорудил простенький шалашик. Для этого он вбил две вилаги, положил перекладину и обставил ее с обеих сторон пихтовым лапником. Сверху тоже навалил лапник. Нарвал старнику и настелил внутри. Потом разложил дымокур от комаров, поужинал и залез в шалаш, прихватив с собой топор, нож, патронташ и ружье. Собаки легли у входа.

После тридцатикилометрового перехода Венька спал крепко и не слышал, как шумел ветер, как скрипела сушина, застрявшая в вершинах берез, как прокапал дождик и прогудел гром, как вскакивали собаки и с лаем бросались куда-то в сторону.

Утром, когда всю стрелку заволокло туманом и стала падать роса, он проснулся от холода. Было до того свежо, что даже комары попрятались.

Венька разживил костер, сбегал с котелком по воду и подвесил его над огнем. Потом вырезал удилище, привязал плетеную из конского волоса леску с «мушкой» и пошел попытать счастья. Вода и в ключе и в речке холодная, тут должны водиться хариусы.

Ключ сильно зарос пыреем, Венька не стал ломиться и мокнуть по росе, а пошел на речку. Крутые травянистые берега перемежались серповидными дресвяными косами. Однако и тут пришлось прятаться в кустах и траве: хариус пуглив, чуть что — и клевать не будет. Венька вымок и комаров накормил вволю. Зато через полчаса в брезентовой сумке

билось с десятков красивых рыб с оранжевыми стежками по бокам и широким радужным плавником на спине. Это были не самые крупные хариусы. Гораздо крупнее были темно-спинные горбачи с такими же красивыми плавниками, но с не оранжевой, а с темной точечной линией по бокам. Один такой горбач клюнул в устье ключа и оторвал «мушку» вместе с крючком. А время как раз самое клевое пришло: показалось солнышко, и вся шивера узкого глубокого переката заиграла алмазной чешуей. Эх... Но Венька сам виноват: не стоило сразу тащить, надо было поводить.

Славное это занятие — ловить хариусов! Это не то, что всякие там чебаки да ершики. Тут если уж есть, так есть, ждать не заставят. Только не выпяливайся, скрадывай и не зевай, когда надо подсекать. Чуть всплеснет у «мушки» — подсекай мгновенно. Всплеск — подсечка, всплеск — подсечка. Чок-чок... чок-чок... Венька, когда еще учился ловить хариуса «мушкой», едва не плакал. Чок-чок — и нету, пусто на крючке... Подсечку не мог отработать, опаздывал.

Ну ладно. Вот только крючок жалко. Всего пять крючков в запасе. Надо осторожней в другой раз.

Половину улова Венька испек на углях, половину засолил про запас в берестяной коробочке, которую тут же и смастерил.

Покуриив после завтрака, он стал раздумывать, какое строить жильё. Судя по тому, как было холодно утром, шалашом тут не отделаешься.

— Так что надо нам что-то позавиднее, — потрепав собак по загривкам, сказал Венька. — Здоровье — оно тоже на дороге не валяется...

Валет и Дамка согласно виляли хвостами.

— Избушку ладить будем. Избушку, — окончательно решил он. — Ну, пошли мох драть.

В тайге на старых валежинах сколько угодно мха. Венька быстро натаскал целый ворох. Потом пошел драть бересту. Березы здесь почти в два обхвата. Венька тюкал топориком от самого комля вверх, береста с треском отставала от коры и отворачивалась в стороны. Берестяные простыни, чуть не в полторы сажени длиной и в сажень шириной, Венька старался не гнуть, не ломать, стаскивая их по траве в одно место и складывая стопой.

Потом он настроил пилу и пошел на косогорчик, где сквозь траву серела толстенная кедровая валежина. Венька постукал ее топором, оглядел. Почти от комля до вершины

она была еще крепкая и гладкая, лишь там, где начинались толстые сучья, переломилась от удара или от собственной тяжести.

— Такой орясины, братцы, нам хватит вот так! — сказал Венька собакам. — Но, конечно, покряхтеть придется.

Валежина была почти в метр толщиной, и в самом толстом месте Венькина пила едва ходила. Но Венька пилил да пилил, забивая в щель то топор, то клинья. И так, с отдыхом да с перекуром, раскряжевал всю валежину. Получилось восемь кряжей в полторы сажени каждый. Пообтесав кору, сучки и прочие неровности, Венька с помощью стяжков выкатил кряжи на чистое место и доставил их к месту строительства.

Теперь надо было кряжи расколоть. Венька выгесал увесистую березовую колотушку, наладил клинья и уложил кряжи как следовало. Потом с обоих концов, строго по отвесу и навстречу друг другу, стал забивать клинья. Отвалилась одна пластина, другая, третья, четвертая. Из самых толстых кряжей вышло по четыре пластины, а из тех, что потоньше, — по две.

— Зело знатно получается! Зело борзо! — довольно говорил Венька.

Слова эти он вычитал в одном историческом романе и теперь, вдали от людей, не стеснялся говорить их.

— Оно, конечно, и сами мы не лыком шиты. Правда же?

— Ав! Ав! — отвечал Валет. Он был помоложе Дамки и подурашливей.

— Ну спасибо! Спасибо за понятие... А запах-то, запах, братцы мои! А?

Валет опять согласно полаял и, склонив набок голову, как бы онемел от восторга.

Мысленно Венька уже видел свою избушку. Надо уложить три венца из самых широких пластин, и «теремок» поднимется метра на два, пожалуй. Вполне достаточно. Боковых пластин — горбылей — хватит на потолок и на скамейки, которые Венька решил поставить у костра и там, где будет обрабатывать кротовьи шкурки.

На заготовки ушел весь день, часов пятнадцать. Изрядно уставший, напившись чаю, Венька залез в шалаш, когда уже стало совсем темно.

Опять холодный туман рано поднял его. И день снова начался с ловли хариусов. А после завтрака Венька поточил топор, намазал бечевку мокрым толченым углем и стал отби-

вать на боках пластин дорожки, чтобы ровней их вытесывать.

Потом он занялся срубом. Вытесал пластины, зарубил углы, уложил один венец, второй, третий. Вот сруб и готов. Вместо пола Венька уложил на землю толстый слой мха, поверх него бересту, и все это прижал первым венцом. Потолок из горбылей Венька тоже устелил мхом, а на него положил в два слоя бересту, придавив ее квадратной рамой из тонких бревен.

Окошко он сделал по ходу строительства в двух смежных пластинах, а дверной проем выпилил уже потом, когда сруб был готов. Косяки делать не стал, и дверь у него была вроде воротцев, держалась на пятке и головке. Но вообще жильё получилось славное. Свежая кедровая древесина солнечно светилась, наполняя избушку праздничным ласковым сиянием. А сильный благородный запах делал ее еще уютнее и радостнее.

Нар Венька мастерить не стал. Прямо на бересту положил мох и улегся ночевать в новом своем жилище.

Только на третий день управился он с устройством. Рядом с избушкой, у огнища, поставил толстый чурбак, который служил столом, а для сидения — тесаную плаху на низких чурочках. Березы, с которых Венька снял бересту, ярко светились желто-оранжевыми колоннами и видны были издали. Вокруг все было примято, валялись щепки и всякие обрубки, пахло смолой, завядшим корьем и сухой травой. Словом, местечко на стрелке обрело вполне жилой вид.

Оставалось проложить путик и наставить кулемок. В том, что кроты будут ловиться, Венька не сомневался и для обработки шкурок устроил навес поодаль от избушки, меж двумя густыми пихтами. Под ними он поставил толстую и крепкую, как мельничный жернов, чурку, а рядом, на колышках, — плаху-скамейку. Еще несколько плах вытесал, чтобы на них растягивать и сушить шкурки.

Вечером, сидя у костра, Венька обдумывал завтрашние дела. Путик он решил проложить вкруговую, как и раньше полагал, — так, чтобы сначала идти вверх по ключу, главным отрогом обогнуть верховые ложки, выйти на другой отрог и оттуда возвращаться к избушке. Путик будет большой, километров на двадцать, а то и на тридцать. Сначала надо пройти налегке и проложить след, потом можно идти с кулемками. Принесенных кулемок, конечно, не хватит, но у него есть инструмент, и он будет ладить ловушки по мере необходимости. Дело привычное.

Подбросив в костер большой кедровый сук, Венька вынул кисет с махоркой, чтобы закурить и нащупал в табаке ту самую лопнувшую гильзу, которую подобрал на заброшенном становье. Тусклая, позеленевшая, отслужившая свое, она невольно вязалась с гибелью Венькиного отца — Аверьяна Прохорова.

Как и большинство приисковых мужиков, Аверьян в отпускные и выходные дни промышлял в тайге, стреляя рябчиков, косачей, глухарей, белок, ловя кротов, барсуков, зайцев. На золото ему не очень фартило, но тайга была для него обычно щедрой. Дело тут, наверно, в пристрастии: к чему больше пристрастен человек, в том и успехов больше. Чем сильнее любишь дело, понимаешь его, — тем лучше оно получается.

Веньке было десять лет, когда отец ушел на фронт. Десять лет — это очень мало, чтобы узнать своего отца доподлинно. К тому же отец всегда казался Веньке слишком строгим, суровым, и они мало разговаривали. Больше узнал Венька про отца уже после гибели его, из рассказов матери. Служил Аверьян в кавалерии в Забайкалье, на станции Даурия, Шибко любил лошадей да собак. Участвовал в войне с белокитайцами. Потом работал в колхозе, в промартели, на прииске. Ну, как на прииск ехали, Венька и сам помнит.

Мать сказывала, что отец ни с кем зря не враждовал и не ссорился. Да и сам Венька замечал это, но в ту пору ему не очень верилось, что строгий и суровый отец был уважителен и добр к чужим людям. Это уж теперь стало понятней.

Грамотей отец был невеликий, но по складам читал газеты и книжки, если не очень мудрено было написано. Но главное — он умел работать, умел делать многое. Это, конечно, дед его научил. К дедушке Венька бегал в гости каждые каникулы за семьдесят километров. Тот был куда разговорчивее отца, и даже почтение Веньке выказывал за сообразительность и грамотность. Отец много думал о жизни — это теперь Венька понимает — но думал молча, а дедушка жизнь прожил и думал уже о сыновьях и внуках — и все надо было успеть рассказать им. Он ничего не таил от Веньки, рассказывал всякие истории и побывальщины. Спасибо ему. Оба они — отец и дедушка — прошли по земле, оставили след и память о себе. Значит, они и до сих пор будто живые. Теперь вот Венькина жизнь началась. И уж он постарается...

Венька в семье был старшим. Сейчас ему шел семнадцатый. Если разделить прожитое пополам, то одна часть при-

дется на мирное время, вторая — на военное и на эти вот последние, все еще трудные годы. Плохо было без отца. Соломея всю войну стояла на промывке песков, бутарила их, катала тачки. В старательской артели боны зарабатывала, учила Веньку, кормила Гришку с Манькой. Обносила вся, одежка — заплатка на заплатке. Ну, летом терпимо еще было. А зимой идет, бывало, с работы и гремит подолом, как железом, потому что у воды весь день, у бутары, да у сырых песков. Да еще дома успевай поворачиваться — три нахлебника, да корова, да две овечки, да поросенок, да куры. Жить-то надо. Венька, правда, и в школьные годы ей помощником был. Зимой сено и дрова его забота. Придет из школы, поест картошки с луком, встанет на лыжи — и пошел на гору.

Крепились, как могли, ждали Аверьяна. Не дождались... На фронте он был снайпером, немало, наверно, фашистов пощелкал, но и сам ведь не железный, самого пулей прошило. Конечно, матери на всех детей пособие дали. Но на приiske она уж была не работница.

Вот был бы жив отец, теперь вместе тут сидели бы. А теперь Венька лишь по следу его прошел. И уйдет дальше. Венька только начал землю эту осваивать, а уж вон где! Поохотится он нынешнее лето, оденет, обует домашних, муки запасет, заемки отдаст. Хорошо бы приодеть мать и Гришку с Манькой. Мать еще молодая, ей к лицу наряды. После войны подарки раздавали, так Соломее достались шелковая кофточка, шерстяная юбка и шляпка городская. Оделась — не узнать. До сих пор обновку бережет, по праздникам только надевает, да когда в сельсовет идет хлопотать чего или налог платить. Ну, а Гришке с Манькой и того больше обновы нужны — нынче им в школу идти. Гришке, правда, еще в позапрошлом году надо было начинать учиться, да возможности не было. Ходить за пять километров. Осенью слякоть, зимой мороз да бураны. А теперь вдвоем будут. Наверно, зимой квартиру им искать придется. Когда Венька маленький был, он тоже на квартире в школьном селе стоял две зимы. А потом уж сам бегал в школу из дому.

Неплохо, конечно, и ружье новое купить, припасу достать побольше. Осенью — самая охота с ружьем, был бы припас.

А через год—другой Венька либо в армию пойдет, либо в горный техникум, на геологоразведочное. Его и сейчас тянет поискать в родных краях золотишко и другие горные ценности. Вон сколько заманчивых логов и ключей! И никто, поди, не искал тут. Надо было вот кайлу и лопатку захва-

тить, да все разве сразу унесешь. В другой раз уж. А что? Сходить проверить кулемки — и за шурф. Лоточек из той же кедровой лесины сделать можно. Дело привычное.

И еще у Веньки была заветная мысль — вот здесь, вдали от шума житейского, в глуши, по вечерам, сидя в своей избушке, писать что-нибудь. Две тетрадки в клеточку и карандаш он захватил с собой. Писать интереснее всего в стихах. Конечно, если за день сильно наломаешься, то, пожалуй, не до стихов будет. Но избушка уже готова, а кулемки ставить легче. По правде, первое четверостишие уже сложилось:

Я ушел, чтобы жизнь мою гордую
От житейских сберечь мелочей.
Причащусь я малиною горною,
Освежусь чистотою ключей...

Конечно, Венька не чувствовал себя каким-то раскаявшимся грешником, подавшимся в монахи. Просто была такая потребность — пожить в тайге, себя испытать и по-новому почувствовать жизнь. Это, вроде, как мечта возвышенная. И стихи... Стихи всегда получаются торжественней, чем проза. Никакие Белинские Венькиных стихов еще не видели. Школьные товарищи, бывало, хвалили, но они понимают в стихах еще меньше, чем Венька. Так что он сам себе будет пока что судьей. «Ты сам свой высший суд» — сказал Александр Сергеевич Пушкин, которого Венька любил больше всех. «Ты сам»...

Венька идет по широкой гривке, которая полого поднимается к вершине хребта, окаймившего верховья ключа. Земля перегнойная, мягкая, нога то и дело тонет, нащупывая кротовьи ходы. Кротам тут раздолье, ходов полно, и каждый из них Венька должен затоптать, примять подошвами, расчистить тут кружок, чтобы видно было потом, восстановит крот свою норку или нет. Если она останется затоптанной и затертой, значит, нора брошенная, не ходовая, а если крот подымет притоптанную землю, — можно ставить ловушку.

По гривке шла очень давняя, едва приметная тропа, сильно заросшая и заваленная валежником. Но это все же лучше, чем пробивать путик заново. Венька идет, приминает траву, разбрасывает гнилой валежник, затапывает ходы, делает затески, ставит вешки. Изредка попадаются ему колышки и придавки когда-то и кем-то поставленных тут ловушек.

Погода славная. В небе висят редкие кучевые облака, и тени их медленно проплывают над лесными еланями. Ветерок то подует, то стихнет. Трава и листва на деревьях уже просохли от росы, и только по логам кое-где еще блестят росы и держится клочковатый туман. Кукуют кукушки, а мелкие птицы уже уgomонились. Где-то в дуплах над головой чиликают птенцы лесных пичуг и звенят пчелы.

Идет Венька по осиннику, где каждая лесина — колонна. Идет по березнику — он высок и, подобно пальмам, которые Венька видел на картинках, растет в несколько стволов из одного корня. Пробирается сквозь пихтач — под ним так сумрачно, что даже трава не растет, только сухая хвоя под ногами.

Лес полон жизни, шорохов и всяких, то чуть слышных, то отчетливых, звуков. Венька, стало быть, не один тут.

Валет и Дамка знают свое дело. То бурундука загонят на дерево, то вспугнут птицу, то с лаем и рыком начнут копать где-нибудь под корнями.

Места богатые, и Венька доволен. Там и тут на старых выворотнях, на месте сгнивших пней и валежин растут смородинник и малинник. Ягоды еще зеленые, но скоро все это созреет, окрасится своим цветом. Встречаются целые заросли калбы — сочной и высокой, хоть косою коси.

Венька идет и примечает, что из какого дерева можно бы сделать. Вон из той осины вышла бы вместительная лодка-долбленка или с десятков бадеек. Из бересты вон той березы можно изготовить несколько двухведерных туесков или хороших коробов. Та вон лесина сгодится на дуплянки для пчел, а вот стоит осинка, из которой в самый раз кулемки ладить. Но больше всего высматривает Венька такой стволик черемухи, из которого можно вытесать лыжи. В тайге встречаются черемухи чуть не в обхват. Такие не годятся. Нужен прямой гладкий ствол, толщиной в четверть. Его надо расколоть надвое, а потом вытесать по шнуру и как следует выстругать. Черемуховая древесина крепкая, вязкая, упругая. Хороший мастер сделает лыжи — залюбуешься. А Веньке нужны охотничьи лыжи — легкие, прочные, гибкие.

Так шел Венька весь день. Замуровал множество кротовых ходов и наставил вешек там, где тропа терялась. Так делал, бывало, дедушка Дрон. Веньке случалось с ним в ребячестве ходить по кротовым путикам. Он любил смотреть, как дедушка мастерит туески, бадейки, корытца, деревянные лопаты, лыжи, сани, санки и многое другое. Скончался де-

душка на восьмом десятке, после того как получил четвертую похоронную. Из пятерых его сыновей четверо с войны не пришли, в том числе и Венькин отец...

На стан Венька не вернулся — не хватило дня, и заночевал под старой наклонной пихтой, при малом костерке. Собаки все что-то беспокоились, лаяли, кидались в темноту. Слышался то шорох, то легкий треск, и Венька, не пожалев зарядов, дважды пальнул в воздух. А утром, побродив окрест, он понял, что тут побывали росомахи — самые пако-стливые в тайге твари.

К полудню он замкнул наконец свой путь у избушки. Круговая тропа была готова. Безостановочно по ней можно пройти, наверно, часов за шесть-семь. Ну, а если ставить и проверять ловушки, — не всегда и дня хватит.

Все же Венька малость устал. После обеда он проспал часа четыре. Потом ладил кулемки, распилив для этого на короткие чурочки осинку, попутно вырубленную и принесенную к стану. И уже вечером, при свете костра, кое-что написал в тетрадке. В стихах, конечно. Писал Венька, и даже самому ему странно было видеть чистый тоненький карандаш в своей потемневшей и грубой руке. На ладонях у него были теперь сплошные музлы — мозоли. В такую ладонь можно взять уголек и не спеша прикурить.

Стояла ночь в подлунном мире.
Склонясь у тихого костра,
Рукой в музлях от топора
Учился я бряцать на лире...

...Пошли дни, похожие один на другой. Утром Венька по тропке, уже натопанной вдоль ключа и речки, ходил ловить хариусов. Потом завтракал, экономя сухари, пил чай из березовой чаги и смородинного листа, курил. Снаряжался и отправлялся ставить и проверять ловушки. Погода была обычная, летняя — то с ясным безоблачным небом, то с белыми тонкорунными облаками, то с веселой скоротечной грозой. От дождя ключ и речка сильно прибывали, а потом так же быстро опять входили в берега. Налилась соками таежная трава, расправились, окутались густой листвой все живые побеги, вызревали ягоды.

Постепенно Венька весь свой путик уставил ловушками. Наставить столько — около ста пар — было бы к чести даже самого опытного охотника. Впрочем, Венька теперь не столько заново ставил, сколько переставлял ловушки — каждый

день появлялись новые ходы, а на старых кроты кое-где уже перестали ловиться. Да еще Венька проложил новый, тоже круговой, путь по ту сторону речки, где тянулись солнцепечные чистые покати, заросшие малинником. Вдоль окаймлявшего их леса шла когда-то торная и широкая тропа, обозначенная теперь мелкой бледноватой травкой. Но в одном месте ее пересекала тропа, по которой кто-то продолжал ходить и ставить ловушки. Судя по следу, это был человек в ичигах, небольшой и не тяжелый. Венька пока не знал, кто тут охотится, но надеялся встретиться с этим человеком, когда начнет переносить сюда свои ловушки, отслужившие на первом пути. А пока он продолжал ходить по прежнему пути, натоптал его, уладил, и все ему было тут знакомо.

Этот повседневный путь Венька проходил часов за десять-двенадцать. Потом, сидя у пихт под навесом, обрабатывал добычу, снимал высохшие за день шкурки и прибивал на их место свежие. Снятые шкурки Венька укладывал стопкой, мехом к меху, надвигая их головой к хвосту, — чтобы шерсть не ерошилась и укладка была плотной, — и увязывал длинной, хорошо наваренной дратвой. В берестяной коробке у него уже лежали две увязанные стопки, по сотне штук в каждой, а теперь набиралась третья.

Когда Венька принимается обрабатывать кротов, из лесу тучами слетаются вороны, до самого заката делят выброшенные тушки, каркают и дерутся. Только вороны и едят кротов. Собаки, даже голодные, от них нос воротят. Им кое-что перепадает с Венькиного стола, но в основном-то они кормятся тем, что сами в тайге добудут.

У Веньки сухари на исходе, и он старается нажимать на черемшу да на хариусов, которые, как ни хороши, а изрядно уже приелись. Он решил сходить дня на два на заимку за новым провиантом, проведать своих, поговорить насчет сенокоса. Но перед тем, как отправиться, надо поднять все ловушки, чтобы кроты зря не ловились, а то прокиснут.

Шла уже третья неделя таежной Венькиной жизни. Както в полдень, в самую жару, Венька отдыхал, сидя на валежине в тени осинника. Он только что переставил пару ловушек на новое место. Кротовый ход шел под самой валежиной, Веньке пришлось вырубить из нее порядочный кусок и откатить его с тропы. Сидя и покуривая, он по обыкновению прислушивался к лесу и поглядывал по сторонам. И вдруг он увидел пчелиный леток. Чуть в стороне от тропы стояла толстая сухая осина. На месте выпавшего сучка, метрах в шести

от земли, темнело аккуратное отверстие, а через него туда и обратно деловито сновали пчелы. Венька сколько раз уж проходил тут, а не замечал летка.

Он подошел к осине и стукнул по ней топориком. Внутри тотчас гуднуло, как вспыхнуло. Венька сразу же сделал затес и вырезал ножом: «Нашел В. Прохоров 20 июня 1947 г.», а вырезанные буквы еще и карандашом обвел, чтоб заметней было.

Для гарантии Венька вбил в осину пустую гильзу, пахнущую порохом, — чтобы медведь не подошел. Потом опять сидел, любуясь работой пчел. Пчел в тайге найти — удача и радость. Пока, конечно, неизвестно, сильная семья или нет, старая или молодая и много ли тут меду. Это можно узнать только когда вскрыешь дупло.

Венька хоть и не был пчеловодом, но кое-что соображал. Вот пчелы летят и летят в свое гнездо, несут взяток. После того, как Венька постукал и потесал осину, они там, внутри, замерли. Сейчас их больше прилетало, чем вылетало. Значит, объявлена тревога, и каждая пчелка теперь до отвала напивается меду, чтобы в случае беды улететь на новое место с запасом. Веньку всегда поражала пчелиная хозяйственность. Бывало, дедушка Дрон снимет рой и несколько дней держит его в темном тихом углу, чтобы успокоить пчел и сбить их с пути. И удивительно было после видеть в роильне не только живых пчел, но и свежеотстроенные соты, уже слегка засеянные медком. Даже там — во тьме, в неволе, в неизвестности — они делали свое дело, как бы заботясь о будущем.

Что же делать с этими пчелами? До дому далеко. Если даже он аккуратно вырежет мед и перегонит пчел... ну, скажем, в рубаху с завязанными рукавами и воротом, да вставит обручки для распорки, то не задохнутся ли пчелы потом, когда он завяжет подол? Да и как он их доставит на заимку? Можно нацепить эту рубаху-роильню на палку и нести ее за спиной. Но тут большая осторожность нужна. А мед? Если его много, тогда как? Дедушка сказывал, в одном старом кедре было почти тридцать пудов меду.

Венька усмехнулся. Эх, чудак, о чем он беспокоится! Если меду много, разве это плохо? Как-нибудь управится. Может, на прииске лошадь выпросит и приедет сюда на волокушах. Семьям, где отцы погибли, в лошадях не отказывали, не откажут и Веньке. Пусть пчелы пока работают, делают запасы, а осенью Венька приедет сюда, перегонит их в улей, снаб-

дит свежими рамками с медом, увезет домой — и пусть себе зимуют на здоровье. У Прохоровых уже есть три колоды пчел, а тут и четвертая появится. В войну картошка только да пчелы и спасали таежных жителей. Да и сейчас мед высоко ценится. Постепенно за счет лесных пчел можно будет даже большую пасеку развести, как у кержаков, что живут по таежным заимкам. У дедушки с того же пасека пошла. После его смерти пчел поделили по внукам.

На другой день Венька отправился со связкой кулемок на новый свой путик. Он решил все, что можно, перенести теперь сюда со старого — кулемки, сторожки, вилажки, клинья. А придавки и колышки пусть остаются, их везде вырубить можно. На обратном пути, не так уж далеко от становища, Венька заметил синий дымок. Он уже стосковался по людям, обрадовался и пошел к тому месту, откуда виднелся дым. Перевалил через гривку, пересек ложок и в укромной сухой ложбине увидел берестяной балаганчик.

У огня в глубокой задумчивости, с трубкой во рту, сидел старый алтаец. В котелке что-то варилось. Услышав треск, он прислушался, поднял голову и потянулся рукой к дробовику. Но тут показались Венькины собаки и сам он.

— Фу, явол, — сказал старик негромко и чуть заметно усмехнулся. — Думал, медведь гости пришел.

— Здорово живете, дедушка! — приветствовал его Венька.

— Старово, старово, — все так же тихо сказал алтаец. — Садись, парень. Гостя будешь. — Попыхтев трубкой, он спросил: — Откуль идешь? Куда кадишь?

— Промышляю я тут, — сказал Венька. — А сам с Булатовской заимки, с прииска.

Алтаец покивал, почмокал губами.

— О, талеко пришел.

Лицо его было спокойно и горестно-задумчиво. Он медленно курил огромную кованную медью трубку, пошлепывал губами, сплевывал. Это был уже очень старый человек с жидкой бородкой, красными веками, худой и сгорбленный. Он сидел на берестине, подвернув под себя ноги в старых побелевших ичигах. Голова его непрерывно тряслась, словно он собирался заплакать.

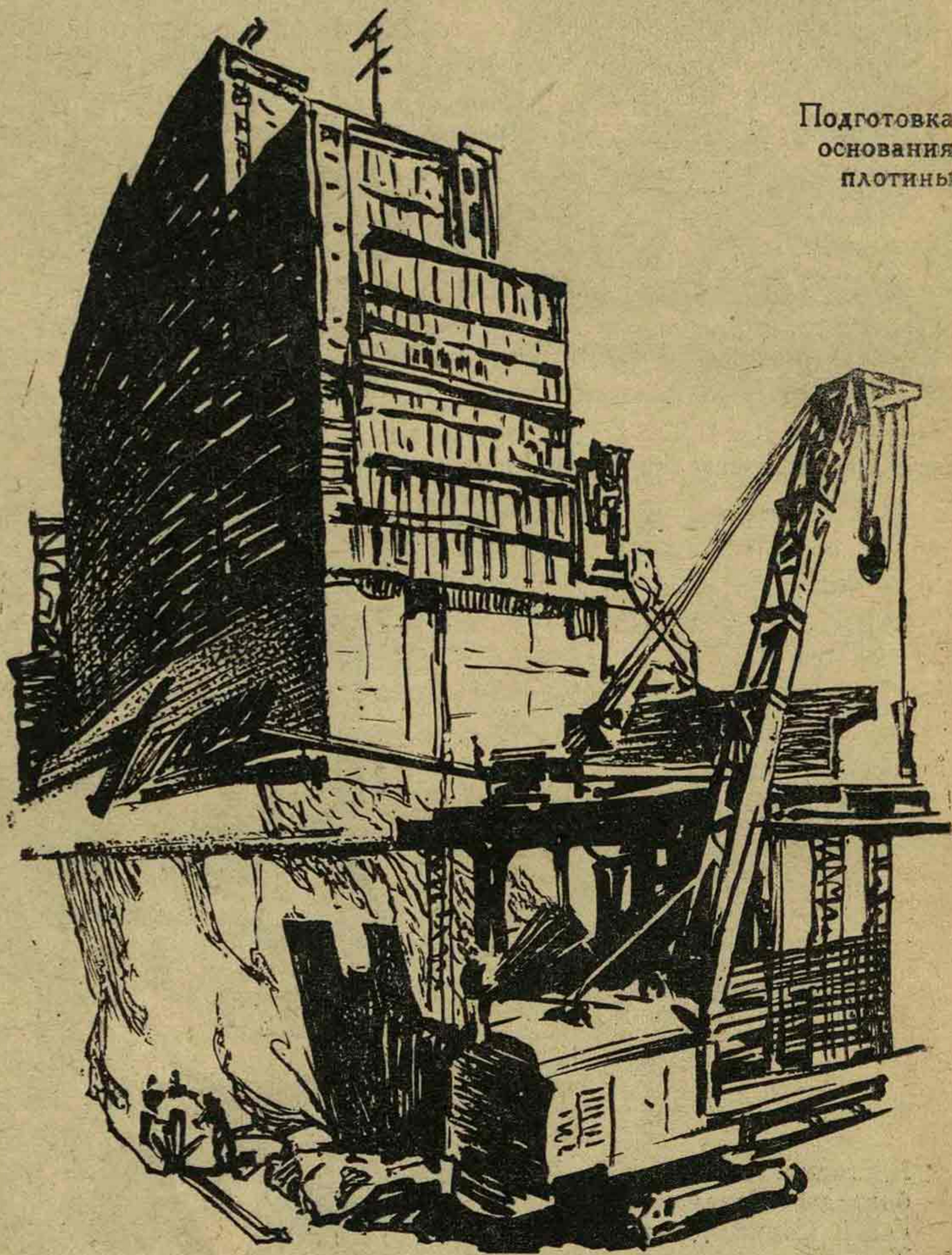
— Твой отец-мать как зовут? — вынув трубку, спросил он.

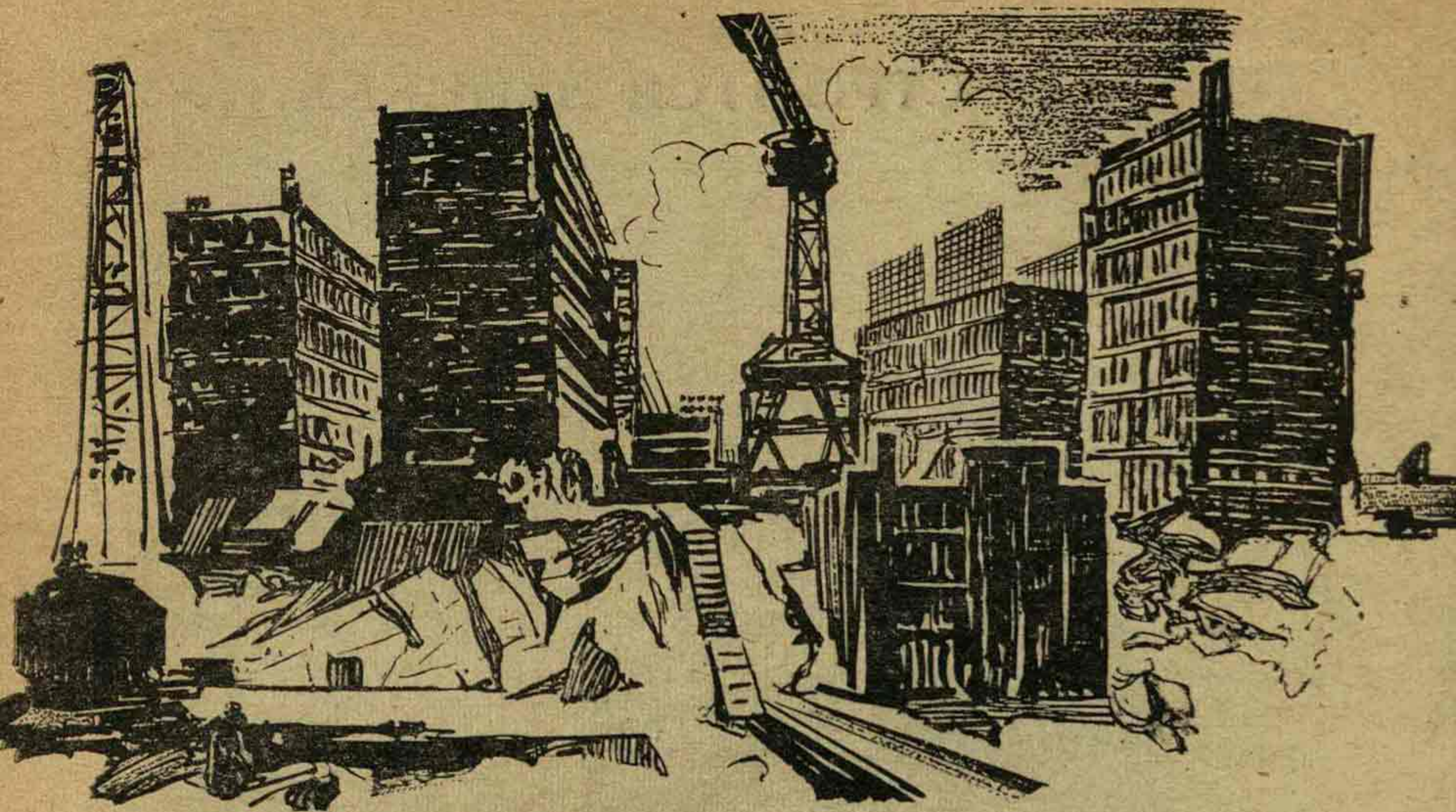
Венька ответил ему и уселся на верховой корень, привалясь спиной к дереву. Рядом поставил переломку. Алтаец долго молчал, как бы вспоминая что-то, потом опять спросил:

СТРОИТСЯ ЗЕЙСКАЯ ГЭС

Рисунки
художника
П. ПУСТОВОГО

Подготовка
основания
плотины

Бетонирование столбов секции плотины

Бригадир комплексной
бригады «Заягэсстрой»
Герой Социалистического
Труда
Иван Иванович Евсеев

— А Дрон Прокаров кто был тебе?

— Дедушка мой.

— О-о! Дедушка? Ты внука его? О! Снавал, снавал я Дрон-то Епимыч. Кароший был мушик. Друшка был моя. О! — Он задумчиво и долго качал головой. — Однако, мы с ним одногодка был... Ой-ой, ай-яй... Помер. И сын его помер. О вайна, вайна... Тьфу, явол.

В таежных краях люди редко видятся, зато почти всегда помнят друг друга, если хоть раз где-то встретились. И это очень приятно, если совсем незнакомый человек обрадуется тебе только потому, что ты чей-то сын или внук. Приятно было и Веньке. И вместе с тем, он чувствовал жалость и сострадание к этому старому человеку, — судя по одежде, бедному и наверняка одинокому. Чембары и рубаха его были давно не стираны и во множестве заплат, пришитых не очень искусно. Очень уж он старый, а все еще ходит вот, промышляет в тайге...

Венька оказался прав: у старика, звали его Тайдоном, давно уж умерла жена, а два сына погибли на войне. Если бы не внуки, он был бы совсем одинок. До последнего времени Тайдон жил в старом своем пятистенном доме в Осиновке, на берегу речки. Нынче отдал дом под колхозную контору, а сам переселился в амбарушку — так и топлива меньше, и приборки. Кормить его некому, и он промышляет сам. Все это старик рассказал Веньке, покуривая свою трубку, вздыхая и покачивая головой.

— Ай-яй-яй. Какой беда принес вайна! Какой кудой дело вайна! — заключил он и надолго замолчал.

— Дедушка Тайдон, а кулемок-то у вас много стоит? — спросил Венька.

— Однако, пар пиисят, — ответил старик, — ишо ставить надо.

— О, хорошо! — удивился Венька.

Он сам молодой и здоровый, и то ему сотня пар нелегко далась. А тут почти немощный старик пятьдесят пар наставил.

— Как снег не стал, я тут живу, — сказал Тайдон.

Старик неожиданно легко поднялся и, держась за поясницу, пошел в балаганчик.

— Фу, ясва, сапсем спина болит, — сказал он, вернувшись с узелком соли. — Снял котелок, посолил и пригласил Веньку ужинать. — Делай ложка. Клебать будем. Клеб нету, сукарь нету, сакар нету. Сапсем, как раньше говориль:

был бы мука, пельмен стряпал бы; так, опять, мяса нету. — Старик засмеялся, приоткрыв полубеззубый рот.

Венька сделал берестяной черпачок и края его защемил полурасколотым концом таволги — вот и ложка. Достал из торбы узелок с сухарями, развязал его и поставил на берестину рядом с котелком. Из котелка пахло чем-то вкусным. Венька подумал, что старик варил конину. Алтайцы любят ее и всегда покупают в колхозах выбракованных лошадей. «Сугум есть?» — спрашивают они обычно у председателя.

— Сугум? — спросил Венька, присаживаясь.

— Какой сугум? — огорченно махнул рукой Тайдон. — Сапсем никудышный мяса. Крот. Собака не ест. Да ишо зубы сапсем кудой.

И старик таким же, как у Веньки, черпаком стал выкладывать кротовьи тушки из котелка на чистую берестинку. Мясо было красновато-синее. Никогда еще в жизни не приходилось Веньке пробовать кротов. Даже в самое голодное время никто на заимке их не ел. Белки, бурундуки, хомяки, даже водяные крысы — эти еще шли в пищу. А вот кроты...

Старик размочил в похлебке сухари, и они стали ее хлебать. В общем-то терпимо, но все же трудно было побороть отвращение. Уж больно запах непривычный — земляной и тяжелый.

Ели не спеша, молча. Когда очередь дошла до мяса, Венька попробовал и его. И правда, совсем плохое мясо. Кое-как одолел Венька одну тушку. Да и старик почти не притронулся к кротовьему мясу. Остальное бросили собакам, но и те ели нехотя.

Потом Венька сбегал к ключику по воду, вскипятил и заварил чай. Чай был настоящий, плиточный и составлял главное богатство Тайдона. Пил он его с удовольствием, заметно повеселел, хотя и после ужина остался сидеть в своей обычной позе.

— Дедушка Тайдон, — сказал Венька, — а я пчел нашел. Старик поднял голову.

— О, пофартил! Карашо.

— Давайте с вами разделим мед-то, — предложил Венька. — Есть-то ведь нечего. А пчелы... ну, что ж, пчел в лесу много.

Старик опять посмотрел на Веньку и слегка поклонился.

— Пасибо, сынка, пасибо. — И опять задумался. — Чем пилить? Рубить будем?

— У меня пила есть. Лучковая.

— О, сапсем карашо! Тапор есть, пила есть. Псе ладить можно.

Венька рассказал, как нашел пчел, в каком месте. Старик кивал головой — он все знал в этих краях. Вокруг костра роились комары и мошки. Внизу, по ложку, чуть слышно журчал ключик, где-то в глубине леса ухала сова. Сумерки уже сгустились настолько, что костер светился как бы на дне глубокого провала, над которым сквозь дымок проглядывали редкие звезды.

— Ночевать надо. Отдых надо. Завтра туеска делать надо, — рассудил старик.

— Возле моего стана есть большие березы, — сказал Венька. — Хорошие туески сделать можно. Только долго их делать-то.

— Можно короб делать. Можно туеска. Двое быстро.

— Да, вдвоем-то, пожалуй.

— Теперь спать надо.

Шалаш-балаганчик для двоих был явно мал. Боясь сломать его, Венька остался ночевать у костра, прикрыв лицо накомарником. Тут у Тайдона была дневная лежанка с сухой травой и берестяным навесом от жары и дождя. По летнему делу ночлег вполне подходящий.

Наутро старик и Венька отправились каждый своим путиком, чтобы проверить ловушки и разрядить их, потому что весь следующий день они собирались заниматься пчелами. Венька пробежал свой путик еще до обеда. Он спешил, чтобы выкроить время для поделки туесков. Да и старик ждать себя не заставил. К тому же он пришел не с пустыми руками, а принес целых три почти уже готовых туеска, примерно с ведерко каждый. Оставалось только изладить да подогнуть донышки и крышки. Старик объяснил, что туески он готовил для малины — она вот-вот поспеет. А тут пригодились. Это облегчало дело.

К вечеру у них было три туеска и два хороших короба, не пропускавших воды. Туески пойдут под мед, да и короба, может, пригодятся для того же, а скорее всего в них придется уложить восковую сушь — сухие соты.

До конца дня они управились и с обработкой добычи. Старик остался ночевать в Венькиной избушке. Весь день он хлопотал, но не суетился и не делал ничего лишнего. Венька с удовольствием отмечал, что человек он еще не слабый и сноровистый. Только вот получше бы ему питаться. Старик

похвалил Венькину избушку, величая его Верьянычем, хвалил собак и весь порядок, который завел Венька — достойный внук достойного дедушки. «Сила есть, ум есть — сапсем карашо!» Довольные друг другом, они беседовали до полуночи.

Теперь, говорил Тайдон, самая трудная пора. Главное — выдюжить надо, там легче будет. Скоро поспеют всякие ягоды, созреют орехи, рыба начнет спускаться. А там и пушной зверек подрастет. Славная наступит пора. Нынче будет много белки. А зимой к нему приедет старший внук Самулта, и они станут зимовать вдвоем. Самулта скоро такой, как Венька, вырастет. Он тоже грамотный, в школу ходит, книжки читает.

Поднялись они пораньше, но утро их огорчило. Стоял туман и, похоже, собирался дождь. Значит, пчелы почти все дома, и они гораздо злее, чем в ясную погоду. Чего доброго, искусают, — комариные сетки не спасут. К тому же нет дыма, гнилушками придется дымить. Но раз решили, — надо идти. Когда уронят лесину и станут вырезать мед, пчелы нагрузятся медом и, может, не будут шибко жалить.

Когда пришли к лесине, погода прояснилась.

— Сапсем карашо, — сказал Тайдон.

Он оглядел дерево, постучал, послушал и заключил, что колода не молодая и меду много. Чтобы лесина сильно не ударилась оземь и, боже упаси, не сломалась, свалить ее решили в косогор, натаскали к месту падения кучу пихтовых веток, хворосту и срубили, вершинками туда же, несколько молодых пихт и осинок. Спилили лесину, и она упала мягко. Венька подбежал к летку, поспешно закрыл его приготовленной затычкой. Потом они выстукивали и выслушивали дупло — велико ли.

Мед вырезали благополучно, а пчел перегнали в верхнюю часть дупла, где тоже были соты. Потом закрыли это место вставным донышком, замазали его глиной и, отступя от конца метра два, отпилили часть лесины. Получилась готовая дуплянка. Бородкой топора и ножами проделали леток и пока закрыли его. Потом с помощью стяжков и вилаг-подпорок поставили дуплянку на старое место — на пень, оставшийся после спила. Рядом забили несколько кольев и кольцами из витых прутьев привязали к ним дуплянку. До холодов еще далеко, пчелы оправятся и сделают новые запасы. Да и домой их везти по первопутку будет куда легче, чем сейчас, по траве.

Два туеска были до краев полны сотами с медом, а в третий наложили изрядно сухих сотов. Их они перетопят на воск и отольют свечи, а то ни у Тайдона, ни у Веньки, кроме бересты, нечем освещаться.

Управились довольно рано. Туески с медом принесли в избушку, отдохнули, напились чаю с медом. Потом Венька побежал насторожить ловушки и вернулся уже впотьмах. Старик вытапливал у костра в котелке воск и с помощью толстых дудок диделя отливал свечи. К тому же он успел еще сделать дюжины две волосяных петелек на рябчика.

В тот вечер они решили, что будут жить вместе, — так веселее и легче. Правда, старику придется ходить за кротами подальше и каждый раз переходить речку. Но ничего, к ходьбе он привычный, а чтобы ноги зря не мочить, можно связать салик и переправляться на нем.

Через несколько дней они решили, что старик останется пока один, а Венька, не заходя домой, пойдет сдавать пушнину в Осиновку. Старик последит за ловушками, а дня через два-три Венька вернется с новым припасом. И потом, когда Веньке придется уйти на сенокос, старик тоже не оставит его ловушки без присмотра.

Тайдон рассказал Веньке, как выйти к Осиновке, и просил передать его соседям, что он жив-здоров и неплохо промышляет. Передает поклон. Ну и, самой собой, Венька сдаст его шкурки, часть денег истратит на муку, чай, сахар и табак, а остальные принесет вместе с квитанцией на отоваривание.

В Осиновку Венька пришел чуть позже полудня, сходил к соседям Тайдона, передал поклон, попил у них чаю. Потом отправился искать продавца Заготпушнины, который был и приемщиком.

Веньке сказали, что он за речкой, — сено косит.

Сняв портки, Венька перешел речку вброд и вышел на луг. Продавец, обливаясь потом и увязая деревянной ногой в мокрой дернине, помахивал косой и выкосил уже порядочную загонку. Венька знал его — он работает продавцом давно, с той поры как вернулся в начале войны без ноги.

— Бог в помощь, дядя Вася!

Продавец оглянулся, смахнул пот с лица, воткнул косу черешком в землю и вышел на сухое к Веньке.

— Здорово, парень! Понимаешь, никто не идет, ничего не несет. Вот я и пошел покосить. Ну а ты как?

Он тяжело дышал, помахивал головой, отряхивая пот и, когда закуривал, пальцы его мелко тряслись.

— Оно и не тяжело бы, да нога, язвы ее... И жара самая. Немного тут докосить-то осталось.

— А нет у вас другой литовки?

— А как же, вон на березе целых две. Баба да свояченица вчера помогали.

Венька выбрал косу, поточил ее бруском, поданным дядей Васей, и принялся косить.

Через час с небольшим загонка была кончена, и они пошли в Осиновку.

— Ты чего принес-то? Или просто так, договор заключать? — спрашивал дядя Вася.

— Принес кое-что.

— Ну это лучше. А то ведь у меня тоже план, вроде.

В магазине дядя Вася угостил Веньку слипшимися конфетами и, вынув бланк договора, начал писать через копирку.

— Так, парень. Сколько ж ты грозишься нынче сдать? В прошлом годе, однако, штук двести сдал. И нынче, поди, не меньше. Давай напишем триста, а? Выполнишь — премию получишь, отоварю, чем захочешь.

— Давайте, — согласился Венька.

— Ну и молодец. Я тебе даже сейчас могу дать товару получше, если принес чего.

Венька выложил на прилавок три пачки кротовьих шкурок, по сотне в каждой, да еще Тайдонову пачку.

— И все это твои? — удивился дядя Вася. — Знаешь чего, — давай перепишем договор.

— Это мои. А вот эти — Тайдона.

— Ну все равно здорово, парень! Когда ж ты успел?

Договор переписали на пятьсот рублей, — в среднем, по рублю за шкурку. Очень довольный, дядя Вася не поскупился и хорошо отоварил Веньку.

От Осиновки до своей заимки Веньке оставалось пройти только семь километров. Но ему пришлось теперь нести на плечах полмешка муки, а в руках еще и узел со всякими мелкими покупками. Тут были конфеты, спички, порох, дробь, отрез на брюки, платки, платочки, две книжки «Тихого Дона», рулон ситцу, пластина кожи на две пары подошв, пузырек одеколона, пуговицы, крючки, иголки, наперсток, игрушки для Гришки и Маньки...

Уже к вечеру по тележной размытой дороге Венька спу-

скался с горы к дому. Перед самым спуском он снял свою ношу и долго сидел на мешке с мукой, постелив на него придорожные лопухи. Всякому человеку приятно возвращаться домой, даже после небольшой разлуки. Тем более не с пустыми руками. Избы, бани, огороды, поскотина, тропинки — все такое знакомое, близкое. И сразу видны небольшие перемены. Вон кто-то уже поставил стожок сена, вон белеет поленница дров — раньше ее не было, вон на избе у Булатовых появились три новые тесины — починили крышу, вон кто-то бутарку поставил у старого отвала.

Когда Венька учился в восьмом классе, ему приходилось ходить в школу за двадцать километров. Зимой — на лыжах. И каждый раз возвращаясь домой после недельной разлуки, он старался подняться на одну из гор, обступавших заимку. Перед спуском посидит или постоит, бывало, с любовью и волнением обозревая родное гнездовье.

И всякий раз чувствовал Венька, что домой он возвращается немножко другим, не таким, как уходил еще недавно: что-то прибавлялось в нем.

И теперь у него было такое же состояние духа. Опять он принес в себе что-то новое, и это чувство было особенно острым. Венька на этот раз ощущал себя не только более значительным, чем прежде, не только хозяином дому своему, но и человеком, которого могли уважать люди.

И другое подумалось Веньке. Настанет срок — и он уйдет из дому надолго, может, на годы — уйдет в города, в люди, в иную жизнь. Сможет ли он и там, за теми синими горами в ледяных коронах, продолжать свой путь с достоинством и честью? Сможет. Должен суметь, обязан. А после он непременно сюда вернется...

Венька встал и свистнул собак. Но они уже убежали вперед и теперь наверняка были дома. Значит, Прохоровы уже знают, что Венька на подходе.

Гришка и Манька давно уже высматривали его за поскотиной и как только увидели, что по дороге идет сильно нагруженный человек и распознали в нем братку, что было духу припустили мимо огорода через лог на тележный взвоз.

Венька смеялся, глядя на них, и радовался. Со склона ему было видно, что на крылечке стоит Соломея, ждет его и вся светится. Значит, дома все хорошо.

Запахавшись и захлебываясь словами, Гришка и Манька нырнули Веньке под руки, прижались к ногам и наперебой стали рассказывать новости. Главная новость — недели две

назад вернулся Панька Булатов. Сильно задумчивый, «стер-жант». Погулял маленько, отлупил Таську, а потом увез ее в город, на фабрику. Но хоть и отлупил Панька жену, а все равно она очень была «радая». И тетка Булатиха радая, и все радые. А позавчера и Авдонька Пименов пожаловал. Этот «ихрейтор». Второй день гуляет. Вчера хвастался, — мы, грит, кровь проливали, мы грит, страдали там, а вы как победителей встречаете?! Но Левка Болотов отлупил Авдоньку и не велел хвастаться. Теперь они в обнимку с Левкой ходят. А сейчас вот и Венька вернулся, и они, Гришка с Манькой, тоже очень радые, и мамка будет радая, и вся Булатовская заимка...